
MISCELANEA

ИНЕССА ЯЖБОРОВСКАЯ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВЕРСАЛЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ ИЛИ СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИСТОРИКА-СВИДЕТЕЛЯ)

Предлагаемый читателю дискурс – не воспроизведение событийной канвы столетней давности, а анализ динамики важного среза исторической политики и исторической памяти России в отношении Польши в ходе осмысления послевоенного апокалипсиса и выстраивания новых отношений после краха трех империй региона «черных орлов», разделивших польские территории в последнюю четверть XVIII в.

После Первой мировой войны историческое сознание населения Австро-Венгерской, Германской и Российской монархий, где доминантой общественной жизни, как во всяком авторитарном обществе, была ее идеологическая составляющая, постепенно менялось. Оно избавлялось от имперской идентификации. Мир геополитически перестраивался, но регион располагал лишь 20-ю мирными годами, за которые не смог до конца освободиться от комплексов и от нанесенного Версальским миром морального и геополитического ущерба, избавиться от порожденных им множества новых конфронтационных идеологем и мифологем.

Надо ли говорить, что в послевоенной России после гражданской войны, а в Польше с 1944–1945 гг. неизменной и основополагающей стала идеологема Великой Октябрьской социалистической революции, которая «принесла свободу народам как Советского Союза, так и Польши». в ходе многочисленных параллельных и сводных, общих мероприятий в ее каждую годовщину десятилетиями повторялись вариации этого идеологического лозунга под идентичным флагом.

Обратим внимание на другое важное в идейно-политическом отношении обстоятельство: настойчиво насаждалась виртуальная, казалось, ничем не замутненная, благостная картинка истории двусторонних отношений, к которой не было места более чем вековой борьбе польского народа за воссоздание независимого Польского государства.

Сложные идейно-политические проблемы прошлого отсекались. Дирижеры исторической политики обеих сторон всячески старались избегать критического обращения к духовной жизни межвоенного периода, к конфликтным вопросам в двусторонних отношениях: к Версальскому миру. Более того, воссоздание независимого Польского государства как бы по инерции, механически обрастало клишируемыми мифологемами – «белополяки», «буржуазно-помещичья Польша» как «преграда на пути мировой революции». в советской геополитике стереотип Польши как символа «капиталистического окружения» стал ключевым, употребляемым назойливо и постоянно.

Собственно, эти прочно утвердившиеся на десятилетия клише и стереотипы были резонирующим отзвуком, следствием не сбывшихся в годы революции надежд большевиков: в ходе гражданской войны Ленин сформулировал концепцию, гласящую, что российский, недавно вышедший из крестьянской среды рабочий класс не справится один с революционными задачами. Надо и следует надеяться на помощь и поддержку активного, боевого польского пролетариата, немалая часть которого была эвакуирована вглубь России и поэтому без особого труда могла быть привлечена к решению общих задач. и если в этой стране в значительной степени так и получилось, то гигантские планы за эти рамки и заодно, походя осуществить мировую революцию не оправдались. Отсюда такое горькое, длительно переживаемое разочарование Версалем, конструированием послевоенного, постимперского, но всего лишь капиталистического мира, его ограниченностью в ходе поисков новой идентичности решением преимущественно национальных задач.

При всей гибридности и многослойности идентичностей межвоенного периода российское историческое сознание подспудно, а нередко и открыто сохраняло набор идеологических стереотипов великодержавной, имперской идентичности.

Годы Второй мировой войны эту ситуацию изменили мало. в последующие десятилетия в официальной исторической политике СССР и Польши идеологический вектор несколько поменял свою направленность: упорно делался акцент на «дружбу, сотрудничество и взаимную помощь». Был выработан и клишировался набор соответствующих этому стереотипу норм исторической политики, хотя негативные стерео-

типы подспудно оставались, не будучи основательно переосмыслены и верифицированы.

Масштабы и характер реальных проблем сложного послевоенного развития региона Центрально- и Юго-Восточной Европы все больше давали о себе знать с середины XX века, по мере торможения очередной повышательной волны кондратьевских циклов мирового развития. Эти процессы ожили особенно после XX съезда КПСС, во время «оттепели», и накладывали очевидный отпечаток на состояние исторического сознания и исторической политики.

Позволю себе вспомнить весьма показательное событие из жизни отнюдь не самого консервативного для того времени исторического факультета МГУ. После XX съезда КПСС и реабилитации в феврале 1956 г. репрессированной в 1938 году компартии Польши исследовательская польская проблематика все еще воспринималась в московском научном сообществе как небезопасная в идейно-политическом отношении. Научный руководитель моей диссертационной работы проф. И.М. Белявская (Тышкевич) после лекции с объективным анализом характера событий 1956 г. в Польше имела серьезные организационные неприятности.

Еще и в начале 60-х годов пересмотр устоев советской исторической политики только начинался по мере очищения атмосферы межгосударства представила на кафедру истории южных и западных славян кандидатскую диссертацию по проблематике Первой мировой войны, взаимодействия российского и польского рабочего движения и восстановления независимого Польского государства. А оно традиционно, десятилетиями трактовалось как возрождение «буржуазно-помещичьего государства белополяков» – в качестве препятствия, вставшего на пути мировой революции. Хотя в диссертации было учтено обязательное требование рассматривать польское освободительное движение в контексте роли Октябрьской революции, Ученому совету исторического факультета долго не удавалось подобрать необходимый комплект оппонентов. Специалистов отпугивала мифологема послеверсальской межвоенной Польши как недружественной страны и символа «капиталистического окружения».

Когда в этой сложной ситуации были наконец получены согласие и вполне положительный отзыв заслуженного пенсионера – престарелого участника подписания Брестского мира, известного дипломата профессора Б.Е. Штейна, его волнения и переживания по этому поводу довели его накануне защиты до инсульта. Сама защита превратилась в ожесточенную идеологическую полемику вокруг оценки воссоздания независимого Польского государства и закончилась научным переос-

мыслением агрессивных стереотипов прошлого. Но это довольно долго оставалось сугубо локальным событием.

Польские ученые к тому времени уже начали активно использовать перемены для обстоятельного изучения и верификации несшей чрезмерно большую идеологическую нагрузку оценки двусторонних отношений в период новейшей истории. в Польской академии наук было создано небольшое научное подразделение Zakład Stosunków Polsko-Radzieckich, которое развернуло подготовку многотомного издания документов и материалов по этой проблематике и уже успело издать его первый том. Этот том, естественно, включил материалы и документы периода конца Первой мировой войны, не обошел Февральской революции, эпохальной роли «святого святых» – Октябрьской революции и вывел на проблему воссоздания независимости Польши. и тут вновь выступила на сцену советская историческая политика.

Автор концепции воссоздания Польши как «уродливого детища Версальской системы», редактор Большой Советской Энциклопедии Александр Манусевич немедленно проявил бдительность, поднял тревогу и мобилизовал ответственные структуры ЦК КПСС на противодействие самостоятельной трактовке проблемы польской стороной. На высоком партийно-государственном уровне было принято и согласовано с ЦК ПОРП решение о создании подконтрольного партийному аппарату и отвечающего принципам советской исторической политики многотомного совместного издания «Документы и материалы по истории советско-польских отношений».

Этот гигантский замысел удалось реализовать в течение нескольких десятилетий в объеме 12 томов, каждый из которых изначально готовился под личным контролем руководителей основных научно-идеологических учреждений и неусыпным приглядом цензуры обеих стран. Каждый документ рассматривался ими обстоятельно и дотошно, дабы полностью исключить «сложные», исторически конфликтные, чреватые какими-либо политическими осложнениями проблемы. Представители советского партийно-политического и научного руководства, не говоря уже о директорском составе научно-исторических институтов, построчно, тщательно и ответственно, с цензорским рвением вникали в меандры советской исторической политики. Они отважно, не жалея времени, защищали ее идеологические устои на систематически проводимых внутренних и двусторонних заседаниях, посвященных формированию состава каждого тома.

Проблема пересмотра устоявшихся идеологием – строго выверенной оценки характера возрождавшегося Польского государства, его трактов-

ки как «белопольского», «буржуазно-помещичьего», ставшего на пути победного марша мировой революции – тогда впервые была вынесена на государственный и партийно-политический уровне. в начале 60-х годов, при новом подборе документов для первого тома указанного выше, теперь уже совместного документального издания документы формирования линии на воссоздание независимого Польского государства рассматривались особенно тщательно, дабы максимально убедительно представить решающую роль Великого Октября.

Последовательная смена дискурса октябрьских и послеоктябрьских событий, признание правомерности празднования Дня независимости Польши 11 ноября произошли в СССР только через 30 лет – в ходе работы двусторонней Комиссии по истории отношений между двумя странами (по так наз. «белым пятнам»).

Только в 80-е годы, в ходе перестройки, серьезной геополитической переструктурировки региона Центрально- и Юго-Восточной Европы и прекращения существования «социалистического содружества» заложены основы для последовательно научной верификации советской исторической политики стали рушиться. Общий идеологический код размывался. Россия открывалась на мир и одновременно теряла общие с соседями послевоенные идеологические ориентиры. Зато в российском обществе начинали возрождаться прежние, тлевшие еще с царских времен антагонизмы тяжелого прошлого, по-настоящему не осмысленные, пересмотренные и не изжитые, как и сталинистские межвоенные мифологемы, которые сразу обнажились.

Советское руководство в связи с массовыми выступлениями «Солидарности» с протестами против нарушений суверенитета Польши и проводимой исторической политики оказалось перед фактом необходимости ее пересмотра. Уже в период «перестройки» встал вопрос: каким должен быть публичный дискурс относительно проблемных аспектов российско-польских отношений? Формирование нового, демократического строя настоятельно потребовало пересмотра принципов и отработки механизмов научной проверки замшелых идеологем и мифологем исторического сознания прошлого на различных уровнях – международном, национальном и внутреннем, партийно-политическом.

Естественно, это было связано с глубинной сменой различных слоев идентичности по мере эволюции общественного строя и политического режима, с легитимацией при помощи памяти о прошлом систем ценности, позиций правящих групп и т.д. Оптимизация этого процесса требовала прежде всего отказа от искусственного поддержания мифологемы «осажденной крепости», легитимации двусторонних отношений не

через военное и прочее конфронтационное прошлое, а через конструктивное будущее, доброжелательную солидарность и т.п.

На рубеже эпохи системных трансформаций, в ходе установившихся контактов двух президентов – Михаила Горбачева и Войцеха Ярузельского встал вопрос о совместном урегулировании исторической политики вначале на идеологическом уровне. Инициатива исходила от Ярузельского, озабоченного поиском компромисса с «Солидарностью».

21 апреля 1987 г., в 42-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Польшей, подписями президентов Горбачева и Ярузельского была скреплена Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. По инициативе польской стороны в этот документ было включено следующее принципиальное положение: «Не будем оставлять нашим детям и внукам нерешенных проблем»¹.

Была создана научная Комиссия по истории отношений между двумя странами, в работе которой предстояло выявить требующие урегулирования вопросы исторической памяти, акцентируя требующие верифицирования идеологических аспектов исторической политики. Вокруг повестки дня велась неустанная борьба: что рассматривать, а что полностью и безусловно исключить, защищая прежние идеологические бастионы, воздвигнутые, в частности, вокруг восстановления независимого Польского государства и мировой революции, войны 1919–1920 г. и др. План работы включил 25 проектов.

Внутри комиссии все четче обозначалось противостояние относительно модели общения: непробиваемая защита монолита идеологием и мифологием – или их научная верификация, раскрытие правды и достижение совместных результатов, снятие проблем методом доверия, взаимопонимания и консенсуса.

В ходе полемики по проблемам воссоздания Польского государства позицию традиционного, еще советского официоза рьяно защищал академик Алексей Нарочницкий, оперировавший категориями типа «белополяки», «буржуазно-помещичья Польша», «третий поход Антанты» и «мировая революция».

К чести академика Георгия Смирнова, он не дал ходу поручению в связи с Распоряжением Горбачева по итогам визита министра иностранных дел Польши К. Скубишевского от 3 ноября 1990 г. готовить «противовес» предложенным поляками проблем из «событий и фактов», в результате которых «был причинен ущерб Советской Стороне», – для

¹ Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. М., 1987. С 9–10.

использования «в переговорах с Польской Стороной по проблематике “белых пятен”»².

В восстановлении в научной среде исторической правды о трудных моментах в двусторонних отношениях важную роль сыграло организованное по инициативе Смирнова Всесоюзное совещание историков-полонистов «Актуальные задачи изучения Польши, русско-польских и советско-польских отношений». в его ходе и был поставлен, в частности, вопрос о сугубо научном пересмотре проблематики воссоздания независимости Польского государства. Различные подразделения научных учреждений и вузов впервые получили рекомендацию вносить в свои рабочие и учебные планы соответствующие выводам комиссии коррективы, учитывать их в лекционных курсах и учебных пособиях.

После этого совещания в Москве впервые была проведена специально посвященная возрождению Польского государства двусторонняя конференция с докладами профессоров Антони Чубиньского, Инессы Яжборовской, Ивана Костюшко и других историков. С этого момента в России фактически был признан праздник День возрождения Польши 11 ноября и россияне стали принимать участие в связанных с ним польских мероприятиях.

Двусторонняя комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами завершила свою работу на рубеже 80–90-х гг., с прекращением существования Польской Народной Республики и накануне распада СССР.

Призывы представителей официальных инстанций сосредоточиться на изучении разных потоков исторического знания были вполне оправданы, поскольку наука требовала очищения от оказавшихся в высшей степени живучими антагонизирующих мифологем и идеологем, их последовательной верификации, то есть отказа от череды новых подделок и манипулирования историческим материалом. Важно было, чтобы в условиях все еще не преодоленного кризиса общественного сознания историческая политика ориентировала историков на последовательно научную верификацию по пересмотру антагонистических идеологических клише прежних лет, изживания анахроничного противостояния, а не на конъюнктурную пропаганду.

Если историческая политика десятилетиями играла в российско-польских отношениях деструктивную роль, то в новую эпоху весьма возросло значение экономического и культурного сотрудничества, кото-

² См.: Распоряжение М. Горбачева от 3 ноября 1990 г.: Секретные документы из особых папок. Подготовка публикации и вступительная статья М. Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1.

рые позволяют преодолевать пороги отчуждения. Важно было наладить постоянный диалог между общественностью России и Польши, взаимопользное, обстоятельно аргументированное и плодотворное общение, Адекватная новым задачам историческая политика прокладывала важный путь к взаимопониманию, к оптимизации российско-польских отношений на принципах добрососедства и партнерства.

Это было и остается непростой задачей. Не будем отрицать, что историческая традиция, над которой тяготеет геополитика прошлого, влияет на отношение части россиян к полякам и Польше. Будут продолжать влиять на заметную часть населения и стоящие на пути научной верификации идеологических завалов прошлого застарелые стереотипы, пока сохраняются состояние кризиса общественного, в том числе исторического сознания, постимперский синдром, тоска по имперскому величию.

Советская историография рубежа 80–90-х годов оказалась перед необходимостью пересматривать линейный, догматический подход к историческому процессу, отказаться от чрезмерно идеологизированных, сталинистских оценок Февраля и Октября 1917 года³. Одной из ключевых позиций этого периода стало рассмотрение в контексте принципа «короткого и длительного периода исследования» в книге Инессы Яжборовской и Валентины Парсадановой «Россия и Польша» проблем Первой мировой войны и формирования в рамках Версальской системы Польского национального государства⁴. Польские земли оказались в эпицентре мировых катаклизмов, на стыке интересов супердержав, передела территорий и сфер влияния.

Профессор Московского государственного университета Геннадий Матвеев при детальном, казалось бы, рассмотрении проблемы отверг значимость обращения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «Народу польскому» с признанием права Польши на независимость, придравшись к отсутствию прямого указания на объединение всех польских земель, и увидел «возможные угрозы, порождаемые длительным вхождением бывшего Западного края Российской империи в состав I Речи Посполитой»(?,!). С явно запоздалой конъюнктурностью (Организация Варшавского договора, как известно, уже перестала существовать) он одобрил позицию Временного правительства – курс на военный союз Польши с Россией⁵.

³ См.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М. 1994.

⁴ Подробно см.: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.: 1914–1918–1920–1987–2004. М, 2005.

⁵ Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. 2010. С. 20, 24 и др.

Нынешняя власть не хочет усиления новых противоречий и расколов в российском обществе. Поэтому она не поддерживает призывы к четкому определению того, продолжателем каких традиций является постсоветская Россия, усиливая кризис общественного сознания. На деле же она чаще выступает как наследница Советского Союза, с преемственной связью с империей Романовых.

Так, например, проблема воссоздания независимости Польши в претендующей на научность недавней публикации бывшего дипломата Юрия Иванова трактуется с позиций позитивной оценки линии дореволюционного министерства иностранных дел в направлении якобы неизбежного хода истории, «окажись Россия в числе победителей в Первой мировой войне» – объединения всех польских земель в форме автономии под эгидой царизма «в составе Российского государства, скорее всего наподобие Финляндии». Он считает, что благодаря другому, случайному ходу событий к воссозданию польского государства привели отречение царя Николая II, Февральская и Октябрьская революции, заключение сепаратного мира с Германией и гражданская война в России⁶. А усилия польского народа по воссозданию собственного национального государства он в должной мере в расчет не принимает.

В современном обществе политика и история тесно связаны между собой, и это становится еще яснее с демократизацией общественной жизни, с доступностью исторического материала и ликвидацией цензуры. Что бы ни говорили политики, не имеющая прочной научной базы история им нередко мешает. В то же время те или иные исторические события и личности в зависимости от текущей конъюнктуры неуклонно всплывают в историческом сознании и нередко используются в политических интересах. Из исторической памяти на потребу дня нередко извлекаются застарелые обиды, фальсифицируются исторические события, искусственно используются имена действующих лиц былых лет, значимые когда-то символы. Тем более, что десоветизация и десталинизация пока остаются непоследовательными и незавершенными.

Неслучайно в последние годы содержание «исторической политики» вновь наполнилось былым, недостаточно переосмысленным содержанием, что особенно чревато негативными последствиями, когда история сознательно используется в текущих политических целях теми или иными политическими силами, структурами или общественными группами.

В обществе, переживающем смену вех, нормальный процесс исторического исследования нередко втягивается в переоценку прошлого по

⁶ *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. – М. 2014, С. 11, 18.

модели былых идеологов, противопоставления «мы – они», в идеологически-политические кампании по сведению счетов как со своим прошлым, так и, чаще всего, со своими соседями.

Историческая политика в последние годы стала занимать все большее место и во внешней политике. Государства все чаще, особенно в периоды обострения взаимных отношений, предъявляют друг другу казалось бы изжитые исторические претензии. Это очень негативно влияет на двусторонние отношения, неизменно излишне идеологизируя их, реанимируя старые идеологемы и мифологемы и создавая новые.

Примером могут служить публикации в журнале Натальи Нарочницкой «Звенья» с утверждением о генетической несовместимости русских и поляков, подводящим базу под аргументацию о неизбежной конфликтности российско-польских отношений.

Сознательное использование политическим классом одного государства нанесенных соседним государством исторических обид для своих внутренних и внешних целей ведет к тому, что и соседнее государство также ищет события в истории взаимных отношений для нанесения удара противоположной стороне. Стремление использовать те или иные пласты национальной памяти собственного народа против соседа подпитывает не что иное, как взаимную вражду. Прошлое в руках политиков нередко ведет к конфронтации, а не к избавлению от негативов прошлого и к конструктивному сотрудничеству между народами. И пока политики не останутся в деструктивной деятельности такого рода, утверждения нормальных взаимных отношений между соседями ожидать трудно.

Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо стараться понять. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть как стремление оправдать нередко агрессивную внешнюю политику своего авторитарно-тоталитарного государства, так и компонент исторической истины, более всего понятный каждому народу и менее заметный для его соседей.

Народы никогда не стирают из своей исторической памяти то, что было связано с потерями. Ни в коем случае не следует использовать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов.

Каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заме-

нить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

Единственный способ преодолеть отчужденность между народами – это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями, подлинный и доброжелательный диалог по всем вызывающим разногласия вопросам общей истории. Цель такого обмена мнениями – не в том, чтобы полностью снять расхождения в оценках, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять позиции друг друга. Условием плодотворности диалога является готовность его участников проявить искренний интерес и уважение к другой точке зрения, сколь «неправильной» она бы ни показалась кому-то на первый взгляд, и подлинное желание понять ее.

Задача российских и польских историков – защищать историческую правду на базе возможно более широкого корпуса архивных материалов, в том числе и ведомственных, помня, что историческая память в силу фундаментальных различий в историческом опыте и национальном сознании как разделяет россиян и поляков, так и объединяет их. Особенно по-разному россияне и поляки воспринимают исторические события в сфере двусторонних отношений.

Напомним, что с новой эпохой, с прекращением замазывания при помощи звонкой пропаганды дружбы и сотрудничества одновременно с игнорированием важности разъяснения и снятия былых противоречий и конфликтов возродилась восходящая к началу новейшей истории недостаточно верифицированная историческая память, не пересмотренная часть негативных исторических традиций, связанных с Российской империей, Первой мировой войной, Версальской системой и непростым формированием двусторонних российско-польских отношений. Эта проблематика далеко не закрыта и продолжает требовать пристального внимания ученых обеих стран.